

ДЕТИ, КОТОРЫХ МЫ (НЕ) УЧИМ

Из записок молодой учительницы

19 марта я поняла, что не понимаю, как мне хватило смелости в 17 лет прийти работать в школу и понимала ли я тогда в этом что-нибудь вообще. В голове умещались три вещи: планетарного масштаба любовь к детям (ко всем вместе и к каждому в отдельности), перспективы блестящего консерваторского образования (к тому времени я окончила первый курс) и голубая мечта (проработать в школе до пенсии и уволиться с одной-единственной записью в трудовой книжке).

Потом жизнь внесла коррективы. Я уже не хотела работать в школе до пенсии, я хотела всего лишь выпустить через 11 лет тех, кто стал моим дебютным первым классом и посмотреть, что станет с этими человечками, после чего удалиться по-английски.

А ещё я вдруг поняла, что любить всех я просто не в состоянии. И даже страшнее – не всем дано любить меня! И – о ужас! – кого-то надо... просто учить!!! А так – не получалось. И я поняла, что тем детям, с которыми мне не удаётся найти общий язык я мало что могу дать. Это грустно и это непрофессионально. Но это так.

Мери Поппинс в ореоле славы потерпела... мм... нет, не разочарование... скорее, сделала выводы.

Они перед вами.

НАТАЛЬЯ ЗЛОБИНА,
учительница музыки, Москва

Такие разные дети. И к каждому надо найти ключик. Нам кажется, что автор записок, если не нашла, то обязательно найдёт эти ключики – потому что любит. Это видно по тому, насколько внимателен, терпим, любопытен и добр её взгляд на учеников, которые, увы, зачастую у многих учителей вызывают только раздражение.

«ОТСУТСТВУЮЩИЕ»

Ваня. 3 «А». Среди капризных, задиристых, непослушных, перевозбуждённых, но адекватных детей – Ваня с диагнозом «аутизм». Он есть – но его нет. Я никогда не видела его протянутой руки, не слышала трогательного старательного детского пения, не рисовала рожицы в его несуществующей тетради. Тяжёлый урок в 3 «А» – это урок в полнолуние. Последний раз это были «гегелевские чтения». Подбежав к настенной газете, которую дружно выпустили родители третьеклассников, Ваня читал её вслух... справа налево. Потом сказал мне: «Ты хорошо играешь». «А ты, наверное, хорошо поёшь», – ответила я.

Комментарий. Он один с таким диагнозом у нас в школе. Но, чтобы быть «вещью в себе», необязательно страдать аутизмом. Нет, глупость сказала. Почему же «страдать»? Это я страдаю, оттого что не знаю, как отзовётся в нём моя игра, понравилась ли песня, запомнилась ли музыка, порадовала ли шутка. А у него совсем другие представления о мире. А может, и нет.

Ринат (3 «Б») за три года не произнес ни одного слова. Но дети, которым я доверяю, утверждают, что он умеет говорить.

Антон (4 «Б») задумывается так часто, что не выходит из этого состояния практически никогда. Он никогда ничего не успевает. И никогда не переспрашивает. Хотя

вообще-то говорить умеет. В частности, о китах. Но неужели возможно размышлять о китах постоянно?!

У «отсутствующих» не бывает дисциплинарных проблем. Тише воды, ниже плintуса. И ещё – факт – у всех изумительно красивый почерк. А толку с него...

«ВОИНСТВУЮЩИЕ»

Ахмед. Ахмед – дитя гор. Независимое, хмурое, драчливое такое дитя. Его родители – чеченцы. Его стиль поведения – агрессия. Его жизненная установка – «выживает сильнейший». Он намеренно замкнут, подчёркнуто самодостаточен.

Ахмед во втором классе изводил меня своей странной любовью к постоянной миграции: ровно шесть минут он проводил на третьей парте первого ряда, затем вызывающе перемещался на пятую парту того же ряда, чтобы через положенные шесть минут демонстративно пересесть в противоположный угол (как вариант – покинуть класс вообще). Признавая свое поражение, замечу – я тайком облегчённо вздыхала, когда он покидал кабинет «вообще».

Ахмед в третьем классе нападал на Сашу Копцова и Рому Пряхина. Дети плакали. Я срывалась. Он удовлетворенно записывал мое бессилие в актив и с чувством исполненного долга выгонялся из класса.

Ахмед в четвёртом классе приходил на уроки музыки через два

раза на третий, а в этот третий уму-дрялся испортить настроение мне, всему классу, включая классную с сорокапятилетним стажем, завучу по воспитательной работе и сестре Линде из 5 «А».

Ахмед в пятом классе понял, что устраивать дебош для того, чтобы испортить мне настроение, вовсе необязательно – достаточно просто игнорировать меня, мои попытки сближения, мою заинтересованность и мою робкую заботу. Он знает, что свою законную тройку он получит всегда. С тем и живём.

Комментарий. Что вы, я не националистка. У Ахмеда есть замечательная сестрёнка Линда. Одноклассник Линды Руслан – татарин. Его соседка по парте Таня – молдаванка. Её подруга Миля – армянка. Тайная симпатия Мили – Бэка – азербайджанец. Но мне никогда не приходило в голову искать в этом закономерность или устанавливать причинно-следственные связи. Что есть, то есть, при чём здесь национальность. Просто есть вещи, которые этому Ахмеду в жизни не пригодятся – уроки музыки в том числе. Больше, что я могу для него сделать – сыграть на рояле «Чёрный бумер» с закрытыми глазами и оставить, наконец, в покое. С тройкой.

НОВЕНЬКИЕ

Алик. 6 класс. Лепим сценарий Валентинова дня на живую нитку. С ними экспериментировать лег-

ко, интересно. Раз спели «Сердце, тебе не хочется покоя...», два спели, посмеялись... На следующий урок приношу тексты «Звать любовь не надо, явится незваной...», «Неудачное свидание» и «Любовь никогда не бывает без грусти...» – уже никто не смеётся, все работают, сцендвижение, мимика-пластика, массовка, слова, жесты – процесс пошёл.

Алик – первый день в классе – наблюдает, за партой поёт себе под нос, но к доске и на сцену не выходит, руку не поднимает, а я не настаиваю. После урока спрашивает: «Нам понадобятся учебники? Мы занимались по... Прошли..., ... и...» Я начинаю краснеть, мямлю что-то вроде: «Ээ... Вряд ли... Но... Ты почитай, конечно... Если хочешь, будем с тобой отдельно по этой программе заниматься...» Внимательно слушает, уходит.

Недели через две возвращаемся с концерта, разговорились. Рассказывает без восторга про «ту» школу, «здесь интереснее». Я задаю вопрос: отличаются ли школьные программы, чем и в какую сторону? «Здесь сложнее, – Алик философски чешет нос, – особенно по английскому. И по музыке». Я лишаюсь дара речи: «Ты шутишь!» «Нет».

Комментарий. Пирог печёте? Тогда представьте: один кусок теста вы укладываете на противень, заправляете начинкой, сверху шлёпаете другой, подравниваете... и обнаруживаете, что в результа-

те эстетического подравнивания остались какие-то неорганизованные ошметки теста, которые уже ни вниз, ни вверх не приделать, ну разве что скатать колбаску и слепить из неё жалкое подобие сердечка – кривым украшением на готовую конструкцию.

Вот когда я прихожу в класс и натываюсь вдруг на незнакомую физиономию – я про эту колбаску вспоминаю. Физиономии, справедливости ради, бывают разные. Одни – настороженные, с напускной скромностью-серьёзностью; другие – без царя в голове носятся и уже всех построили; третьи с коварной дальновидностью доставают невиданный доселе «Гейм-бой» и якобы абстрагируются, возбуждая в окружающих неимоверное, невыносимое любопытство – их акции повышаются очень быстро.

Но тут начинается урок. И мне нужно представиться, выказать всяческое расположение, что-то объяснить, ввести, так сказать, в курс дела... И в один прекрасный момент мне начинает казаться, что и я, и дети играем в какую-то неизвестную, но увлекательную игру по нам одним известным правилам, и чем серьёзнее играем – тем глупее выглядим. Что и подмечает адекватно воспринимающий реальность новенький. Постепенно его недоумение сменяется снисхождением, снисхождение – участием.

Можно вскакивать с места?!
Ставить клипы на сцене?!

Рассказывать анекдоты на уроке?!

Рисовать в тетради?!

И морально неустойчивые, не способные к сопротивлению сдаются и глупеют вместе с нами. А личности посильнее ещё долго занимают пост стороннего наблюдателя и с непонимающей укоризной следят за происходящим.

«Иные»

Нариман. Нариман (6 класс) абсолютно нормален. Он не вундеркинд, просто у него отлично устроены мозги. Он ладит с ребятами, бегаёт на перемене, что-то коллекционирует, сидит на последней парте с тихим интеллигентным Бэкой. На уроке работает. Улыбается. Но вот на днях усаживаю протестующих шестиклассников за сочинение «Урок музыки в школе моей мечты» – сама в это время лихорадочно заполняю журналы, жертва собственной легкомысленности, в который раз обещая себе впредь делать это вовремя. Я пишу – и они пишут, и все при деле.

Еду с работы, на перегоне «Чистые пруды – Охотный ряд» (маршрут «школа – консерватория») читаю сданные работы. «Урок моей мечты» – вообще тема беспроектная, благодарная. Идей много, и симпатичных идей в том числе, смеюсь, делаю выводы... Вдруг читаю, среди моря разлитого про симфонические оркестры, которые к нам на уроки приходят,

и аппаратуру Dolby Digital (которой нет и вряд ли когда-нибудь будет), и про встречи с известными музыкантами, и даже про цветы на окнах – какой-то личный оазис: «Мне кажется, что все в этом классе сумасшедшие, потому что они не похожи на меня». Не поверила глазам, перечитала. Подпись: «Нариман (Занудный)».

Опа.

Комментарий. Они – обыкновенные дети. Нам так кажется. Нам так хочется. «Они не похожи на меня», – да ведь он сам позиционирует себя «непохожим». Но, значит, им отчаянно не хватает чего-то, раз, не достучавшись до истинных глубин, что скрывает умилённый взгляд довольных педагогинь, они объявляют себя «иными». Он весел, активен, сообразителен – а тебе уже кажется, что это

благодаря тебе и ради тебя и победы на олимпиадах, и сочинения, кишасшие сложноподчиненными предложениями без единой ошибки, и выброшенная на опережение рука с заготовленным ответом. А у него, весёлого, активного и сообразительного, в голове – сплошное одиночество.

Постскрипtum

Вот я и нарушила золотое правило: не делить, не обобщать, не систематизировать. Поделила, обобщила, навесила ярлыки и зарегистрировала инвентарный номер. Ни мне, ни Ахмеду с Ваней легче от этого не стало. Но, может быть, вы, коллеги, что-нибудь поняли? И, может быть, вам даже есть что сказать? Так не молчите... А то скоро каникулы. Пожалуйста.

